

ФРЭНСИС БЕРНЕТТ

ТАИНСТВЕННЫЙ САД

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б51

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *И. Дорониной*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Бернетт, Фрэнсис.

Б51 Таинственный сад : [роман] / Фрэнсис Бернетт ; [перевод с английского И. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-170244-1

В центре романа «Таинственный сад» — десятилетняя Мери Леннокс, вернувшаяся из Индии в Англию после смерти родителей. В поместье ее дяди Арчибальда Крэвена Мери вынуждена привыкать к совершенно другой жизни, непохожей на ту, что была у нее до сих пор.

Однажды девочка узнает о загадочном заброшенном саде, в который запрещено входить, и решает разыскать его. Вместе с новыми друзьями Мери предстоит проникнуть в тайны этого удивительного места, преобразующего души людей.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-170244-1

© Перевод. И. Доронина, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава I

Никого не осталось

Когда Мэри Леннокс прислали к дяде в поместье Мисслтуэйт-Мэнор, где ей предстояло теперь жить, все сочли ее там самой неприятной девочкой, какую им доводилось видеть. И это было правдой. Именно такое впечатление производили маленькое худое личико и маленькое тщедушное тельце, жидкие тонкие волосы и угрюмый взгляд Мэри. Волосы у нее были желтыми, безжизненными, и кожа под стать им — желтушная, потому что родилась она в Индии и постоянно чем-нибудь болела. Ее отец занимал некий пост в британской колониальной администрации, поэтому всегда был занят и сам часто болел, а мать, выдающуюся красавицу, интересовали только светские мероприятия и развлечения в веселых компаниях. Ребенок ей был совершенно ни к чему, и, когда родилась Мэри, мать полностью перепоручила ее заботам айи¹, которой ясно дали понять: если она хочет угодить мэм-саиб², то должна держать малышку подальше насколько это возможно. Поэтому, когда девочка была болезненным

¹ Няня-туземка. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Почтительное обращение к европейской женщине в колониальной Индии.

беспокойным уродливым младенцем, делалось все, чтобы она не попадалась матери на глаза, а когда стала болезненной беспокойной топтыгой — и подавно. Мэри не помнила, чтобы рядом с ней был кто-нибудь помимо айи и других смуглых туземных слуг, а поскольку они опасались, что плачущий ребенок вызовет гнев хозяйки, то потакали девочке, позволяя ей делать все, что заблагорассудится; и к шести годам Мэри превратилась в самое деспотичное и эгоистичное маленькое существо на свете. Молодая гувернантка, которую выписали из Англии, чтобы учить девочку читать и писать, так намучилась с ней, что через три месяца отказалась от места, а все последующие, сменявшие друг друга, сбегали еще быстрее. Так что, если бы Мэри в конце концов сама не захотела читать книжки, она бы вообще никогда не выучила букв.

...Одним чудовищно жарким утром девятилетняя Мэри проснулась ужасно недовольной и рассердилась еще больше, увидев, что у кровати стоит не ее айя, а какая-то другая служанка.

— Ты что здесь делаешь? — рявкнула она на незнакомую женщину. — Не желаю тебя видеть. Пришли сюда мою айю.

Испуганная женщина смогла лишь пробормотать, запинаясь, что айя не может прийти, и даже когда Мэри, взбесившись, стала бить и лягать ее ногами, она, испугавшись еще больше, только повторила, что айя никак не сумеет прийти к мисси-саиб.

Какая-то неуловимая тревога витала тем утром в воздухе. Ничто не шло заведенным чередом, и некоторые слуги-туземцы, казалось, куда-то пропали, между тем как те, которых Мэри видела, сновали

туда-сюда, крадучись, с посеревшими испуганными лицами. Но никто ничего ей не говорил, а айя все не появлялась. Мэри оставили практически без присмотра, и в конце концов она забрела в сад и стала одна играть под деревом возле веранды. Делая вид, что сажает клумбу, она втыкала большие алые цветки гибикуса в маленькие кучки земли, все больше распляясь и бормоча себе под нос ругательства, которыми собиралась осыпать айю, когда та наконец объявится.

— Свинья! Свинья! Свиное отребье! — твердила она, потому что назвать туземку свиней было худшим оскорблением.

Скрежеща зубами, она повторяла это снова и снова, пока не услышала, как на веранду, с кем-то разговаривая, вышла мама. Ее собеседником оказался белокурый юноша, они стояли и беседовали приглушенными тревожными голосами. Мэри знала, что этот юноша, почти мальчик, — молодой офицер, только что прибывший из Англии. Девочка с интересом уставилась на них, но главным образом — на мать. Она всегда, когда выпадала возможность, смотрела на нее во все глаза, потому что мэм-саиб — так она чаще всего называла мать — была высокой, стройной, красивой и чудесно одевалась. Ее волосы напоминали волнистый шелк, маленький носик выглядел изящно, но все это казалось незначительным по сравнению с огромными смеющимися глазами. Все платья матери, сшитые из тончайших струящихся тканей, «тонули в кружевах», как говорила Мэри. Нынешним утром кружев, казалось, было больше, чем обычно, но расширившиеся мамины глаза совсем не смеялись. Она с мольбой смотрела на юного свет-

ловолосого офицера, и в ее взгляде стоял страх. Мэри услышала, как мама спросила:

— Неужели все так плохо? О, неужели?

— Ужасно, — дрожащим голосом ответил офицер. — Ужасно, миссис Леннокс. Вам следовало уехать в горы еще две недели назад.

Мэм-саиб заломила руки.

— О, я знаю, что должна была! — воскликнула она. — Осталась только ради того, чтобы пойти на этот злосчастный званый обед. Как же я сглупила!

В ту же секунду со стороны хижин прислуги раздался такой громкий вой, что женщина стиснула руку молодого человека, а Мэри с головы до ног покрылась мурашками от ужаса. Вой все нарастал.

— Что это? Что это такое?! — задохнувшись, вскрикнула миссис Леннокс.

— Кто-то умер, — ответил мальчик-офицер. — Вы не говорили, что несчастье добралось и до ваших слуг.

— Я не знала! — воскликнула мэм-саиб. — Идемте со мной! Идемте со мной! — Она развернулась и убежала в дом.

После этого стали происходить страшные события, и непонятная тревожность, царившая в доме в то утро, разъяснилась. Оказалось, что в округе разразилась эпидемия самой опасной формы холеры, и людей повально косила смерть. Ая заболела ночью, и именно ее смерть вызвала тот дикий вой в лачугах прислуги. В этот же день умерло еще трое слуг, остальные в ужасе бежали. Повсюду царила паника, во всех хижинах кто-то умирал.

Посреди всеобщего замешательства и неразберихи Мэри спряталась в детской, и домочадцы про нее даже

не вспомнили. Никто о ней не думал, никому она не была нужна, а за дверью происходили странные вещи, которых она совершенно не понимала. Часами Мэри то плакала, то спала. Знала она только то, что люди болеют, и слышала загадочные пугающие звуки. Один раз она прокралась в столовую и нашла ее пустой, хотя на столе стояли остатки обеда; стулья и тарелки были беспорядочно сдвинуты, словно обедавшие почему-то вдруг поспешно повскакивали со своих мест. Девочка съела несколько фруктов и печений и, поскольку хотела пить, выпила стоявший на столе почти полный бокал вина. Вино оказалось сладким, и она не догадалась, насколько оно крепкое. Очень скоро ее начал одолевать сон, она отправилась обратно в детскую и закрыла за собой дверь, напуганная криками, которые доносились из хижин прислуги, и суетливым топотом ног. От вина Мэри сделалась такой сонной, что веки у нее слипались; она легла на кровать и надолго забылась.

Многое происходило в те часы, которые она провела в глубоком забытии, ее не разбудили ни вопли, ни грохот вносимых и выносимых из хижин вещей.

Проснувшись, Мэри лежала, уставившись в стену. В доме стояла мертвая тишина. Никогда прежде не было в нем так тихо. Ни голосов, ни шагов. Может быть, все выздоровели и беда миновала? — подумала она. И еще: кто же теперь будет заботиться о ней, раз ая умерла? Наверное, будет другая ая, которая, возможно, знает новые сказки. Старые Мэри порядком надоели. Она не плакала из-за смерти своей няни, поскольку не была ласковым ребенком и никогда ни к кому особенно не привязывалась. Шум, суета и вой по умершим от холеры напугали ее, и она злилась,

потому что никто, судя по всему, не вспомнил, что она-то жива. Все были слишком охвачены паникой, чтобы думать о девочке, которую никто не любил. Когда бушует холера, похоже, люди думают только о себе. Но, если все снова станут здоровы, кто-нибудь, разумеется, вспомнит и придет за ней.

Но никто так и не пришел, она продолжала лежать в своей комнате, а дом, казалось, все больше погружался в тишину. Девочка услышала какое-то шуршание на циновке у кровати и, посмотрев вниз, увидела маленькую змейку, скользившую по полу и наблюдавшую за ней глазками, похожими на драгоценные камешки. Мэри не испугалась, потому что это было безобидное маленькое существо, которое не могло причинить ей вреда, к тому же, казалось, оно спешило выбраться из комнаты. Девочка проследила, как змейка юркнула под дверь.

— Как странно и тихо вокруг, — вслух произнесла она. — Как будто в доме, кроме меня и змеи, никого нет.

И в следующий миг она услышала шаги на участке возле дома, потом на веранде. Это были мужские шаги. Мужчины вошли в дом, тихо переговариваясь. Никто не вышел им навстречу и не заговорил с ними, и они, похоже, двинулись по дому, открывая все двери и заглядывая в комнаты.

— Какое несчастье! — произнес один из голосов. — Такая милая, красивая женщина... Полагаю, то же случилось и с ребенком. Я слышал, что у нее была дочь, хотя никогда ее не видел.

Когда несколько минут спустя они открыли дверь детской, Мэри стояла посреди комнаты. Выглядела она неприятно: сердитое маленькое создание, хмури-

шее брови, потому что давно проголодалось и чувствовало себя предательски брошенным. Первым вошел крупный мужчина, офицер, однажды Мэри видела, как он разговаривал с ее отцом. Он казался усталым и озабоченным, но, увидев девочку, так испугался от неожиданности, что чуть не отскочил назад.

— Барни! — крикнул он. — Тут ребенок! Один! В таком месте! Господи помилуй, кто она?

— Я Мэри Леннокс, — горделиво выпрямившись, объявила девочка. Она сочла, что этот человек нарушил правила приличия, самовольно войдя в дом ее отца и к тому же невежливо назвав его «таким местом». — Когда у всех началась холера, я заснула и только что проснулась. Почему ко мне никто не приходит?

— Нет, вы когда-нибудь видели такого ребенка? — воскликнул мужчина, поворачиваясь к своим спутникам. — А ведь о ней и в самом деле все забыли!

— Почему обо мне забыли? — Мэри топнула ногой. — Почему никто ко мне не приходит?

Молодой человек, которого звали Барни, печально посмотрел на нее. Мэри даже показалось, что он моргнул, смахнув слезу.

— Бедное дитя! — сказал он. — Некому придти. Никого не осталось.

Вот при таких странных обстоятельствах и так внезапно Мэри узнала, что у нее нет больше ни отца, ни матери, что они умерли и их унесли ночью, что несколько слуг, оставшихся в живых, покинули дом так быстро, как только смогли, и никто из них даже не вспомнил, что жила в нем некая мисси-саиб. Вот почему было так тихо. Потому что в доме не осталось никого, кроме нее и маленькой шуршащей змейки.

Глава II

Госпожа Мэри-Всё-Наперекор

Мэри любила смотреть на свою маму издали, находила ее очень красивой, но, поскольку она очень мало знала ее, едва ли стоило ожидать, что она будет любить ее и скучать по ней, когда той не стало. По правде говоря, она совсем по ней не тосковала и, будучи ребенком, сосредоточенным только на себе, только о себе теперь и думала, как, впрочем, и всегда. Будь она постарше, ее бы, безусловно, очень обеспокоило то, что она осталась одна на белом свете, но она была еще очень юна и, поскольку о ней всегда кто-то заботился, предполагала, что так будет вечно. О чем она действительно думала, так это о том, попадет ли она к добрым людям, которые станут обращаться с ней почтительно и дадут возможность, как делали ее айя и остальные слуги-туземцы, всегда поступать по-своему.

Мэри знала, что не задержится в доме английского священника, куда ее в конце концов определили. Она и сама не хотела там оставаться. Священник был беден, имел пятерых детей, близких по возрасту, которые ходили в потрепанной одежде, вечно ссорились и отнимали друг у друга игрушки. Мэри ненавидела их неряшливое бунгало и так дурно относилась к ним самим, что уже на второй или третий день никто из

детей не хотел с ней играть. Почти сразу по ее приезде дети дали ей прозвище, которое ее бесило.

Придумал его Бейзил — маленький мальчик с дерзким взглядом голубых глаз и курносый носом, Мэри его возненавидела. Она играла под деревом сама с собой, точно так, как в тот день, когда разразилась холера — сгребала землю в кучки и прокладывала между ними дорожки, чтобы устроить сад, — когда Бейзил подошел и стал наблюдать за ней. Его заинтересовало то, что она делала, и внезапно он даже выступил с предложением:

— Почему бы тебе не сделать горку из камней вон там — будет вроде японского садика, — сказал он. — Вон там, посередине. — Он склонился над ней, чтобы показать место.

— Убирайся! — закричала Мэри. — Не нужны мне никакие мальчишки. Убирайся!

На какой-то миг Бейзил рассердился, а потом стал дразниться. Он привык дразнить своих сестер. Пританцовывая, он бегал вокруг Мэри, корчил гримасы, хохотал и пел:

Злючка Мэри-Всё-Наперекор,
Чем засажен твой садовый двор?
Колокольчики, ракушки, ослиные ушки,
И посередке — большой мухомор.

Он повторял это до тех пор, пока не услышали другие дети. Они прибежали и, хохоча, подхватили песенку. И чем больше злилась Мэри, тем громче они кричали: «Злючка Мэри-Всё-Наперекор», и потом, пока она оставалась в их доме, называли ее между собой — а иногда и при ней — только «Мэри-Всё-Наперекор».

— Тебя отправят домой в конце недели, — как-то сказал ей Бейзил, — и мы все очень этому рады.

— Я тоже рада, — ответила Мэри — А где этот дом?

— Она не знает, где ее дом! — наигранно-издевательски, как умеют семилетние мальчишки, воскликнул Бейзил. — В Англии, разумеется. Наша бабушка там живет, и нашу сестру Мейбел отправили к ней в прошлом году. А тебя к бабушке не пошлют. У тебя ее нет. Ты поедешь к своему дяде. Его зовут мистер Арчибальд Крейвен.

— Не знаю я никакого дяди, — огрызнулась Мэри.

— Знаю, что не знаешь, — ответил Бейзил. — Ты вообще ничего не знаешь. Как все девочки. Я слышал, как папа с мамой про него говорили. Он живет в огромном старом заброшенном доме в деревне, и мимо него даже никто не ездит. Мистер Крейвен такой злой, что никому этого не позволяет, да даже если бы позволял, никто бы не стал туда соваться. Он горбун и очень страшный.

— Я тебе не верю, — сказала Мэри, отвернулась от него и заткнула уши пальцами — она больше ничего не желала знать.

Но позже она долго размышляла об услышанном, и когда мистер Кроуфорд вечером сообщил ей, что через несколько дней ее отправят на пароходе в Англию, к ее дяде мистеру Арчибальду Крейвену, который живет в поместье Мисслтуэйт-Мэнор, вид у нее был такой каменный и невозмутимо-равнодушный, что священник с женой не знали, что и думать. Они старались быть с ней ласковыми, но она лишь отвернулась, когда миссис Кроуфорд попыталась ее поцеловать, и держалась нарочито чопорно, когда мистер Кроуфорд похлопал ее по плечу.

— Она такая неказистая, — жалостно сказала потом миссис Кроуфорд, — а ведь мать у нее была красавицей с безупречными манерами, а такого невоспитанного ребенка, как Мэри, я в жизни еще не видела. Дети называют ее Мэри-Всё-Наперекор, и, хотя это грубо с их стороны, я могу их понять.

— Возможно, если бы ее мать чаще являла свое прекрасное лицо и свои прекрасные манеры в детской, Мэри тоже научилась бы чему-нибудь хорошему. Теперь, когда ее нет в живых, грустно вспоминать, что многие даже не знали, что у этого несчастного красивого создания был ребенок.

— Думаю, Мэри почти никогда и не видела свою мать, — вздохнула миссис Кроуфорд. — Когда умерла ее аяя, о маленькой девочке никто даже не вспомнил. Ты только представь себе, как слуги убегают сломя голову, оставив ее одну в опустевшем доме. Полковник Макгрю рассказывал, что чуть не подпрыгнул от испуга, когда открыл дверь и увидел, как она стоит одна посреди комнаты.

Путь в Англию Мэри проделала под присмотром жены одного офицера, которая везла своих детей в школу-интернат. Слишком поглощенная сыном и дочерью, она с облегчением передала чужого ребенка женщине, которую мистер Арчибальд Крейвен прислал за Мэри в Лондон. Это оказалась его экономка из Мисслтуэйт-Мэнора, миссис Медлок — коренная женщина с очень румяными щеками и острым взглядом черных глаз. На ней было темно-лиловое платье, поверх него — черная шелковая пелерина, отороченная бахромой, а на голове черная шляпка с лиловыми бархатными цветами, которые торчали

кверху и колыхались, когда она качала головой. Мэри экономка сразу не понравилась, но ей вообще редко кто нравился, так что в этом не было ничего удивительного, а кроме того, не вызывало сомнений, что миссис Медлок ее ни в грош не ставит.

— Подумать только! Такая дурнушка, — сказала она. — А ведь мы слышали, что мать ее была красавицей. Не много же она оставила дочке в наследство, не так ли, мэм?

— Вероятно, с возрастом она похорошеет, — доброжелательно отозвалась офицерская жена. — Это все желтая кожа и хмурый вид, а черты лица у нее совсем не дурны. Дети сильно меняются с годами.

— Ей придется *очень* сильно измениться, — ответила миссис Медлок. — А Мисслтуэйт — не то место, которое способствует исправлению детских характеров, если хотите знать мое мнение.

Они думали, что Мэри не слышит их, поскольку та стояла в стороне, у окна частной гостиницы, где им предстояло переночевать. Она наблюдала за проезжавшими мимо автобусами и кэбами, за пешеходами, но очень хорошо все слышала, и ее разбирало любопытство: какие они, ее дядя и место, где он живет? Как выглядит это место и как выглядит дядя? Что такое горбун? Она никогда не видела горбатых людей. Возможно, в Индии их просто нет?

С тех пор как она жила в чужих домах и не имела айи, она начала чувствовать себя одиноко, и в голову ей приходили странные, новые для нее мысли. Мэри задавалась вопросом, почему она всегда оставалась как бы ничьей, даже при жизни мамы с папой. Другие дети были сыновьями и дочерьми своих родителей, но

только не она. У нее были слуги, была еда и одежда, но никто никогда не обращал на нее никакого внимания. Она не понимала, что все это из-за ее дурного характера, часто находила неприятными других людей, но ей и в голову не приходило, что неприятна она сама.

Миссис Медлок с ее грубым румяным лицом и вульгарной шляпкой она считала самым противным человеком на свете. На следующий по ее прибытии в Англию день, когда они отправлялись в Йоркшир, девочка, идя через вокзальный вестибюль к платформе, старалась держаться как можно дальше от экономки, потому что не хотела, чтобы подумали, будто они вместе. Она бы страшно разозлилась, если бы кто-нибудь принял ее за дочку этой тетки.

Но миссис Медлок ничуть не волновала ни сама Мэри, ни ее думы. Она была из той породы женщин, которые «не потерпят никакого вздора со стороны детей». По крайней мере, именно так бы она выразилась, если бы ее спросили. Ей не хотелось ехать в Лондон именно тогда, когда выходила замуж дочь ее сестры, но она боялась потерять завидное, хорошо оплачиваемое место домоправительницы в Мисслтуэйт-Мэноре, поэтому делала то, что приказывал мистер Арчибальд Крейвен. Она никогда не осмеливалась даже вопроса ему задать.

— Капитан Леннокс и его жена умерли от холеры, — коротко и сухо сообщил ей мистер Крейвен. — Капитан Леннокс был братом моей жены, и я опекун его дочери. Ребенка привезут сюда. Вы поедете в Лондон и доставите девочку лично.

Таким образом, миссис Медлок упаковала свой маленький саквояж и отправилась в путь.